
Клинок
и Тень.
Часть 1
Артём Вишневецкий

Артём Вишневецкий
Клинок и тень. Часть 1

https://litres.ru/74750527
SelfPub; 2026

Аннотация

Артём Вишневецкий. Клинок и Тень. Часть 1

Провинция Ига, 1389 год. Мастер-кузнец Акира вковывает в клинок не только сталь, но и страшную правду о преступлениях сёгуна. Он знает: этот меч станет орудием лжи, но иначе улику не спасти. Когда убийцы приходят за ним, кузнец погибает, а его тайна уходит в ночь.

Спустя шестнадцать лет на другом конце острова юный ронин Кенши получает в наследство от отца лишь одну вещь — катану невероятной остроты и тревожной красоты. Он не подозревает, что держит в руках не просто меч, а спящую молнию, привязанную к подножию трона.

Когда за клинком начинается охота, Кенши вынужден бежать. Но кто-то невидимый оберегает его, убирая врагов без звука и следа. Вместе с дерзкой воровкой Аяме он отправляется в столицу, чтобы узнать правду о наследии отца. Но тени не отступают — они всегда на шаг впереди.

Историческое фэнтези о чести, предательстве и цене правды.

Артём Вишневецкий
Клинок и тень. Часть 1

Клинок и Тень

Пролог: Клинок и Тень

Провинция Ига, зима 1389 года

Ветер с гор гудел в бамбуковой чаще, вырывая последние сухие листья. Его вой не мог заглушить ритмичный стук молота — биение сердца кузницы. Жар горна отгонял лютую стужу, но не мог справиться с другим холодом, поселившимся в душе мастера.

Акира отложил инструмент. На наковальне лежала тахото, бесформенная полоса будущего меча. Но мысли его витали в углу, где в простом шелке покоилось законченное творение. Он подошёл, развернул ткань.

Даже в полумраке катана дышала сдержанным светом. Линия закалки, хамон, струилась по клинку, как всполохи молний в ночной туче — сложный, живой узор «гуномэ», прерываемый внезапными взрывами «тобияки». Для постороннего глаза — лишь красота мастера. Для Акиры — немой крик.

Он ковал этот меч для Ямамото Такэши, своего друга, честного даймё. Но заказ исходил от самого двора сёгуна Асикаги.

И в сталь, в самую её душу, Акира вковал не только

тысячу слоёв. Он вковал правду.

Три ночи при свете одной свечи он творил не только меч, а послание. Секрет был не в гравировке, а в самой плоти металла. В изгибах хамона, в едва уловимых переливах структуры, для знающего глаза читался страшный текст: имена, даты, маршруты казны. Следы того, что сёгун именовал «объединением страны», а кузнец втайне называл гнусной изменой. Меч должен был стать ядом в золочёной оправе: подарок верному вассалу, а затем — вещественное доказательство его мнимой вины.

Акира знал, что проклинает лучшее своё творение. Этот клинок не принесёт чести. Он станет орудием лжи. Но иного способа сохранить улику не было. Правда должна была выжить. Должна была найти путь к свету.

Шум за дверью был чуждым — слишком тихим, слишком чётким. Не ветер и не зверь. Лёгкий лязг, приглушённый тканью, шаги, не оставляющие следов на слуху.

Они пришли.

Сердце Акиры камнем упало в бездну. Он не успеет.

Пальцы, привыкшие к тончайшей работе, грубо завернули клинок в холст, пряча его свет. Последний взгляд — на горн, на наковальню, на алтарь с камидза. Прощай.

Дверь отворилась без стука. В проёме, заслоняя бледное небо, застыли две фигуры. Лаковые доспехи без мон, лица, скрытые тенью. Оружие — не длинные катаны, а короткие, практичные вакидзаси. Инструменты для

тёмных дел.

— Мастер Акира. — Голос был ровным, безжизненным, как гладь ночного пруда. — Кубё-сама желает удостовериться в безупречности заказа. Он просил нас сопроводить вас и изделие.

В этой вежливой фразе не было вопроса. Был приговор.

— Полировка… не завершена, — солгал Акира, отступая к горну, заслоняя собой свёрток. — Ещё день…

— Сёгун-сама ценит пунктуальность выше блеска, — мягко парировал старший. Его рука легла на рукоять. Движение было неспешным, почти ленивым. В нём не было угрозы. Была уверенность хищника, уже перекрывшего добыче путь.

Акира понял. Они заберут всё. Меч. Знания. Жизнь. Правда умрёт здесь, в огне его же кузницы.

В его груди что-то надломилось и тут же застыло, превратившись в ледяную решимость. Он был творцом, а не воином. Но в этот миг его молот должен был стать орудием последнего, отчаянного удара.

— Прошу, дайте мне проститься с трудом всей моей жизни, — глухо проговорил он, наклоняясь к свёртку.

Уловка была слишком прозрачной. Тени в дверях дрогнули, сдвинулись вперёд бесшумно и стремительно. Пролог его жизни был окончен. Начался финал.

Акира успел лишь рявкнуть в сторону чёрного хода, где

спал глухой подмастерье: «ВОЗЬМИ И БЕГИ! НЕ ОБОРАЧИВАЙСЯ!

Холодная сталь вошла в тело без боли — лишь пронзительный удар, от которого гаснет свет. Последней мыслью кузнеца был не жар горна. Это был образ мальчика с глазами цвета тёмного мёда, сына Такэши. И тихая, упрямая надежда: правда в стали переживёт ложь в людских сердцах. Она будет скитаться. Она найдёт своего носителя. И когда-нибудь… дрогнет сама тень от трона.

Ветер ворвался в открытую дверь, подхватил с пола горсть пепла и унёс в ночь, словно сея по миру чёрные, ещё тлеющие семена.

Спустя годы, на другом конце острова, юный ронин, не знавший своего настоящего имени, получит в наследство от отца лишь одну вещь — катану невероятной остроты и странной, тревожной красоты. Он и не заподозрит, что держит в руках не меч, а спящую молнию, привязанную к веревке, что тянется прямиком к подножию Сёгунского трона.

Глава 1: Наследство Ронина

Восточное побережье, спустя шестнадцать лет.

Ветер здесь пах не углём и раскалённым металлом, а солью, водорослями и сыростью старых сетей. Он не выл в бамбуковых рощах, а завывал в такт прибою, разбивающемуся о чёрные скалы. Этот остров был краем

земли. Местом, куда ветер заносил только обломки кораблей, да таких же, как он, людей — без корней, без прошлого, без хозяина.

Кенши протер ладонью клинок до досадной тусклости. Не катана, конечно. Простой, потёртый ниппон-то, купленный у странствующего торговца за последние монеты отца. Но для сына ронина и этого было достаточно. Достаточно, чтобы каждый день, с восходом солнца, отрабатывать стойки. Достаточно, чтобы помнить.

Он вложил меч в скромные деревянные ножны и пристегнул к поясу. Сегодня был день поминовения. Год, как не стало отца.

Дом — точнее, хижина, прилепившаяся к скале, — был пуст и холоден. Из значимых вещей здесь было только две: потемневший от времени деревянный щит с почти стёршимся фамильным моном (три волнистые линии — может быть, река, а может, просто царапины) и длинный, узкий деревянный ящик, завёрнутый в потертый шёлк.

Отец запрещал его открывать. «Не время, сын. Твоё время ещё не пришло».

Кенши поклонился перед маленьким алтарём с табличкой, где было выжжено имя отца — Харуто. Зажег благовоние. Дымок поднялся тонкой струйкой, смешива-

ясь с запахом тления и моря.

«Я продолжаю практику, отец. Я жив. Я помню твои слова: «Меч — это душа. Даже если ты ронин, душа должна быть прямой».

Он сидел так долго, пока благовоние не догорело. А потом взгляд его снова упал на ящик. Запретный. Тайный. Последняя воля.

«Год прошел. Может быть, время пришло?»

Руки сами потянулись к шёлку. Он развязал узел, снял ткань. Ящик был из тёмного дерева, без украшений, но плотно сколоченный. Крышка не поддавалась — она не была на задвижке, а словно приклеена по краям чем-то тёмным и засохшим. Воском? Смолой?

Сердце забилось чаще. Кенши взял свой тренировочный меч и осторожно, лезвием, провёл по стыку. Старая смола отскочила щепками. Раздался тихий щелчок.

Внутри, на грубом полотне, лежало То, из-за чего отец, похоже, готов был умереть. Не сразу, не от удара, а медленно, от тоски и какой-то невысказанной тайны.

Это была катана.

Но такая, какой Кенши никогда не видел даже в самых смелых снах торговцев. Ножны — простые, чёрные, лакированные, без единой поблёскивающей детали. Но когда его пальцы обхватили рукоять, обтянутую кожей ската (самэ), мир вокруг изменился. Вес… вес был

идеальным. Продолжением руки. Он медленно извлёк клинок.

В хижине, где свет едва пробивался сквозь закопченное окно, вдруг стало светлее. Сталь была темнее ночного неба, но линия закалки (хамон)... Она была живой. Она не просто сияла — она струилась по лезвию, как свет далёких звёзд, преломлённый сквозь лёд. Сложный, вьющийся узор, полный скрытой силы и тихой, холодной ярости. Он видел рисунок гор на старинных картах, видел прожилки на срезе самого твёрдого дерева — но это было иное. Это было лицо меча. Суровое, прекрасное и бесконечно одинокое.

Кенши замер, завороженный. Он забыл про холод, про тоску, про долгую годовалую пустоту. В его руке лежала не вещь. Лежала судьба.

И в этот самый миг, когда его душа сливалась с холодным сиянием стали, снаружи послышался звук.

Не ветер. Не прибой.

Тихое, металлическое шарканье подошв по гальке. Не одна пара.

Кенши мгновенно вложил клинок в ножны. Свет исчез, похороненный в чёрной лакированной утробе. Но в воздухе, казалось, ещё висело его эхо. Он прислушался.

Шаги остановились прямо у его хижины. Их было трое. Может, четверо.

«Добрый день в доме!» — раздался грубый, незнакомый голос, в котором не было ни капли доброты. — «Слышали, у старика Харуто кое-что ценное осталось. Решили проведать его наследника. Выгляни-ка, поговорим».

Кенши тихо перевел дух. Его взгляд упал на простой меч у пояса, потом — на чёрные ножны в руках. Отец хранил эту тайну, чтобы уберечь его. И умер, так и не рассказав правды.

Правда стучалась в его дверь. И стучала недобро.

Он медленно поднялся. В одной руке — старая, тусклая катана, знак его жалкого положения. В другой — чёрные ножны, холодные и тяжёлые, как нерасказанная история.

Выбора, по сути, не было. Он был сыном ронина. Его учили держать строй. Даже если строй — это он один.

Кенши шагнул к двери, откинул простую циновку, служившую входом, и вышел в слепящий свет серого дня.

На узкой тропинке перед хижиной стояли трое. Одежда поношенная, но крепкая, взгляды — как у стервятников, высмотревших падаль. Старший, широкоплечий, с шрамом через губу, оценивающе оглядел Кенши, его простую одежду, его меч. Потом его глаза зацепились за чёрные ножны в руке юноши. В них вспыхнул тот самый, знакомый по рассказам торговцев, огонёк — смесь жадности и жестокости.

— О-ё, — растянул он, обнажая кривые зубы. — Похоже, слухи не врут. Давай-ка сюда, мальчик. Эту игрушку ты всё равно носить не достоин. Мы поможем… освободить тебя от хлопот.

Кенши почувствовал, как по спине пробежал холодок. Не страха. Нет. Это было то самое чувство, о котором отец говорил перед боем: «Когда меч ещё в ножнах, а враг уже перед тобой — земля под ногами становится твёрже. Это она готовится принять кровь».

Он молча поставил чёрные ножны на порог, за своей спиной. Потом принял простую, твёрдую стойку, положив ладонь на рукоять своей старой катаны.

— Это наследство моего отца, — сказал он тихо, но так, чтобы слова было слышно над воем ветра. — И мой долг — его защитить.

Широкоплечий разбойник фыркнул и медленно вытащил свой меч — тяжёлый, грубый, с зазубренным лезвием.

— Ну что ж, — усмехнулся он. — Посмотрим, как ты, щенок, исполнишь свой долг.

Они двинулись на него все вместе.

Глава 2: Первая кровь

Они двинулись не как воины, а как волки, сбиваясь в кучу, чтобы задавить числом. Это была их первая ошибка. Узкая тропинка работала на Кенши. Она не позволяла им

окружить его. Старший, со шрамом, был впереди. Его тяжёлый меч взметнулся в коротком, рубящем ударе сверху — но слишком широком, слишком гневном.
Тело Кенши отреагировало раньше разума. Годы однообразных тренировок вбили в мышцы память. Он не отпрыгнул, а сделал короткий шаг вперёд-вбок, в слепую зону удара. Грубое лезвие со свистом рассекло воздух у его плеча. В тот же миг его собственная катана выскользнула из ножен. Не сверкая, не звеня, а выдохнув глухой, ржавый звук.
Он не рубил. Он толкнул лезвие вперёд, в открытый бок нападавшего, в тот миг, когда тот промахнулся и потерял равновесие.
Сталь вошла с противным, тупым хрустом, встретив не латы, а стёганую ткань и под ней — рёбра. Крик разбойника был не яростным, а удивлённым, почти обиженным. Тёплая струя хлестнула Кенши по руке.
Он не видел лица. Он видел только внезапно расширившиеся глаза, полные неверия в происходящее.
Он вырвал клинок назад, и тело шрама́стого рухнуло на колени, а затем на бок, загораживая тропинку.
Время, которое до этого текло, как густой мёд, вдруг рвануло вскачь.
— А-а-ах, гад! — взревел второй, молодой, с обветренным лицом. Он бросился вперёд, не глядя под ноги, и споткнулся о тело товарища. Его удар, нацеленный

вспороть живот, прошёл по пустоте. Кенши отскочил, чувствуя, как сердце колотится где-то в горле. Рука, держащая меч, была липкой и горячей.

Третий, самый молчаливый и хитрый, попытался обойти сбоку, по склону. Камни под его ногами зашуршали. Кенши крутанулся, подняв меч для блока. Лезвия встретились с оглушительным лязгом. Удар был сильным, от него затрещала рукоять в его ладони, заболело запястье. Он отступил на шаг, чувствуя, как почва уходит из-под ног — он был на краю тропинки.

Хитрый разбойник, почувствовав превосходство, навалился, стараясь сбросить его вниз, на острые камни.

Их лица были так близко, что Кенши видел гнилые зубы, прыщ на щеке и холодный, лишённый всякой ярости расчёт в его глазах. Это был не бой — это была бойня, и этот человек знал своё дело.

Силы были не равны. Мускулы горели. Кенши понимал, что проигрывает в этой борьбе на клинках. И тогда он вспомнил не завет отца, а его простой урок на берегу: «Когда тебя толкают — не упирайся. Позволь толкнуть. И помоги».

Вместо того чтобы сопротивляться давлению, он резко подался назад, сделав вид, что падает. Хитрый, не ожидавший этого, на мгновение перенёс весь вес вперёд. В этот миг Кенши, почти лёжа на спине, ударил его

коленом в пах. Тот ахнул, и давление ослабло. Этого хватило. Кенши выскользнул из-под него, катясь в сторону, и вскочил на одно колено.

Перед ним стояли двое: молодой, только что поднявшийся, и хитрый, скорчившийся от боли. Первый был в ярости. Второй — смертельно опасен.

Но что-то изменилось. Они видели кровь своего главаря. Они видели, что щенок умеет кусаться. В их глазах жадность сменилась осторожностью, а затем — тёмной, обдуманной злобой.

— Всё, парень, — прошипел хитрый, выпрямляясь с трудом. — Теперь мы заберём твою душу вместе с мечом.

Они начали расходиться, чтобы взять его в клещи. Тропинка тут была шире. Идея с узким пространством больше не работала.

Кенши перевёл дух. Рука дрожала. Меч в ней казался вдвое тяжелее. Перед ним лежало тело. За его спиной, на пороге, в трёх шагах, лежали чёрные ножны. Тихие, холодные, обещающие.

«Не время, сын. Твоё время ещё не пришло.»

Голос отца звучал так ясно, будто он стоял рядом.

Но отец не видел этих глаз. Не чувствовал этой усталости.

Времени не было. Было только сейчас.

Молодой разбойник крикнул и бросился в атаку, отвлекая. Хитрый, прихрамывая, зашёл сбоку для

смертельного удара.

Кенши отбил атаку молодого, чувствуя онемение во всей руке. Он видел из угла глаза, как блеснуло лезвие второго. Он не успеет развернуться. Не успеет.

Инстинкт кричал одно. Долг — другое. Отчаяние стёрло грань.

В последнее мгновение он не прыгнул в сторону. Он отпрыгнул назад, к порогу своей хижины. Его пятка наткнулась на деревянный порог. Рука, почти без участия разума, метнулась вниз, к чёрному лаку.

Пальцы обхватили знакомую, и всё же чужую, кожу ската.

Он не вытаскивал клинок. Он вырвал его из ножен одним движением, и всё вокруг замерло.

Не было звона. Был звук, похожий на резкий вздох самой ночи. И свет. Не отражённый, а рождённый внутри стали.

Свет далёких звёзд, запертый в ледяном узоре закалки, вспыхнул в сером дневном свете, резанув глаза.

Хитрый разбойник, занесший руку для удара, застыл на полшаге. Его взгляд, полный холодной уверенности, наткнулся на это сияние и… потух. В нём не было страха.

Было недоумение. Так смотрит человек, увидевший внезапно раскрывшуюся бездну у себя под ногами.

— Э-это… — успел прошептать он.

Кенши не думал. Меч в его руке вёл его. Не удар, а одно продолженное, невесомое движение. Плавный, смерто-

носный полукруг.

Он не почувствовал сопротивления. Вообще ничего.

Будто резал воду, туман, саму тень.

Наступила тишина. Гулкая, давящая.

Молодой разбойник замер, рот его был открыт. Перед ним его хитрый товарищ медленно, как подкошенное дерево, сложился пополам и рухнул на землю. Его меч, перерубленный на две аккуратные части, звякнул о камни.

Кенши стоял, держа в руке клинок, с которого не стекало ни капли. Он был чист. Холоден. Совершенен.

Он посмотрел на последнего разбойника. Тот встретил его взгляд — и в этом взгляде не было больше злобы. Был животный, первобытный ужас. Он отступил на шаг, потом на второй, споткнулся о тело первого, развернулся и бросился бежать, не оглядываясь, срываясь с тропинки в кусты.

Кенши не преследовал. Он не мог пошевелиться. Дрожь, которую он сдерживал, вырвалась наружу и била его, как лихорадка. В ноздри ударил резкий, медный запах крови — своей на руке и чужой, пропитавшей землю у его ног.

Он опустил взгляд на клинок в своей руке. Сияние угасало, уходя обратно в глубину стали. Теперь это был просто невероятно красивый, смертельно острый кусок металла.

Просто.

Он посмотрел на два тела. На обломки меча. На свою дрожащую руку.

И тогда до него дошло.

Он выжил.

Он убил.

И меч… меч его отца… Он был не просто лучшим на острове.

Он был другим.

С далёкого утёса донёсся одинокий крик чайки. Он звучал как насмешка.

Кенши медленно, с трудом, вложил сверкающий клинок обратно в чёрные ножны. Свет погас. Остался только запах крови, шум прибоя и тяжёлое, неподъёмное знание.

Отец хранил это не от жадности. Он скрывал это. И теперь это знал не только Кенши.

Теперь это знали мёртвые.

И тот, кто сбежал.

Глава 3: Цена непослушания

Он так и простоял, не двигаясь, пока солнце не начало клониться к гребню дальних гор, окрашивая кровь на земле в густой, почти чёрный цвет. Дрожь прошла, сменившись странной, пустой тяжестью во всех членах, будто тело налилось свинцом.

Действовать нужно было сейчас. Мысли возвращались обрывками, тугими и неотступными. Сбежавший.

Вернётся с другими. Надо уходить.

Но сначала — это.

Кенши опустился на колени рядом с первым телом. Лицо шрама́стого было обращено к небу, рот приоткрыт. В его глазах так и застыло то самое удивление. Кенши избегал смотреть туда. Его пальцы, всё ещё липкие, дрогнули, когда он потянулся к поясу разбойника. Ни кошелька, ни

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.